

УДК 631.55 (470.324)

ВОРОНЕЖСКИЕ УХОЖАИ: ПРОБЛЕМЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ

ВАСИЛЕНКО Ольга Валерьевна,кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин,
гражданского и уголовного права;**РЫБАЛКИН Алексей Иванович,**кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин,
гражданского и уголовного права,

Воронежский государственный аграрный университет им. императора Петра I

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся проблем заселения и хозяйственного освоения южной окраины Российского государства. Отмечаются особенности колонизационных процессов Центрального Черноземья на примере заселения пустующих земель. Проанализированы основные аспекты возникновения новых населенных пунктов на рассматриваемых территориях, а также вводится в научный оборот ряд неопубликованных источников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: колонизационные процессы, южные рубежи России, ухोजаи, условия землепользования, движение населения.

VORONEZH LANDS (UKHOZHAI): PROBLEMS OF ECONOMIC DEVELOPMENT

Vasilenko O. V.,

Cand. Hist. Sci., Docent of the Department of the Humanities, Civil and Criminal Law;

Rybalkin A. I.,Cand. Hist. Sci., Docent of the Department of the Humanities, Civil and Criminal Law,
Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great

ABSTRACT. This article deals with issues related to the problems of settlement and economic development of the southern outskirts of the Russian state. The features of the colonization processes of the Central Black Earth region are illustrated by the example of settlement of vacant lands. The main aspects of the appearance of new communities in the territories under consideration are analyzed. Besides, a number of unpublished sources are introduced into scientific usage.

KEY WORDS: colonization processes, Russian southern frontiers, lands (ukhozhai), land tenure conditions, population movement.

Вопросы движения населения являются ключевыми для понимания демографических процессов в истории России.

Особенный интерес для историков, а особенно краеведов, представляют проблемы колонизации южной окраины Российского государства именно потому, что данный процесс достаточно сложен и неоднозначен. С одной стороны, относительно медленные темпы колонизации южной окраины государства связаны с постоянно действующей опасностью со стороны кочевников, с другой стороны, грамотная политика правительства позволяла ускорить процесс заселения этой территории.

Исследований по истории колонизации юга России достаточно много. В них освещаются общие вопросы процесса заселения рассматриваемой территории. Некоторые из них более детально анализируют конкретные ареалы заселения, динамику демографических процессов, различные факторы, влиявшие на процесс освоения юга России. Кроме того, проблемы изучения историко-демографических процессов в XVII в. на рассматриваемой территории связаны со сложностью административного деления, которое на протяжении двух веков (XVII–XVIII вв.) систематически менялось. Наиболее разработаны демографические проблемы, начиная с XVIII в., т.е. со времени, когда по всей России регулярно стали проводиться ревизии населения.

К третьей четверти XVI в. городами, находящимися на границе юга России, были Данков, Мценск, Новосиль, Орел, Путивль, Рыльск, Рязьск, Рязьск, Шацк. Земли за пределами этих городов оставались незаселенными, представляли собой степь и назывались «польской Украиной». Польской – потому что представляли собой дикие, неосвоенные земли, иначе говоря, «поле», а «Украина» – от слова «окраина». Большая часть современного Центрально-Черноземного региона таким образом представляла собой «дикое поле». Лишь в конце XVI в. здесь возникают города-крепости, имевшие целью охрану южнорусских рубежей от татарских вторжений, среди которых можно отметить Воронеж, Елец, Оскол и многие другие. В течение нескольких десятилетий вокруг них складывались уезды, которые делились на станы.

Далее правительство принимает достаточно эффективные меры по освоению пустующих земель и охраны своих южных рубежей – происходит строительство Белгородской засечной черты, представлявшей собой укрепленную линию на юге России. Здесь вскоре были построены и заселены служилыми людьми новые города. Наряду с этим отмечается образование новых уездов с новыми административными центрами, определяются их границы. Впоследствии для оптимизации управления этими территориями в июне 1658 г. была образована крупная военно-административная единица – Белгородский разряд, включивший в себя все уезды. Однако территория, называемая «полем», хотя и сократилась, тем не менее была достаточно обширной. Темпы ее заселения продолжались крайне

© Василенко О.В., Рыбалкин А.И., 2019

Информация для связи с авторами: vov.mein@rambler.ru

медленно. Никто не решался здесь развивать хозяйство из-за опасности татарских набегов.

По мнению В.П. Загородского, миграционные процессы в XVII в. на рассматриваемой территории определялись следующими этапами:

– 1635–1642 гг. – начало сооружения Белгородской черты, возникновение новых населенных пунктов на юге и, как следствие, значительный приток населения в край;

– 1643–1645 гг. – период снижения темпов заселения, связанных с крупными татарскими набегами на южную окраину России;

– 1646–1653 гг. – строительство новых городов вдоль Белгородской черты, увеличение численности населения, определяющая роль правительства в темпах колонизации;

– середина 50-х гг. – конец 60-х гг. XVII в. – возникновение новых поселений, связанных с созданием Белгородского разряда; возникновение и распространение в этой связи мелкого помещного землевладения на рассматриваемой территории;

– 70–90-е гг. XVII в. – продолжение прироста населения в регионе, но ограничение его движения Белгородской чертой;

– 90-е гг. XVII – начало XVIII вв. – начало массового заселения юго-восточной части территории Белгородского разряда, земель «за чертой», где до этого времени сохранялись откупные «юрты» (ухожай) [1, с. 67].

В связи с данной периодизацией в нашем исследовании особый интерес представляют два последних этапа в колонизационных процессах южной окраины государства, определенные незаселенными территориями – ухожаями, но активно использовавшиеся в хозяйственном аспекте жителями близлежащих населенных пунктов. Территориально изучаемый район представлен землями Воронежского уезда, в котором возникновение и развитие населенных пунктов было связано напрямую с государственной политикой в вопросе их заселения. Кроме того, большинство из них выполняли функцию защиты южных рубежей России от кочевников.

Ряд земель, территориально входивших в состав Воронежского уезда, обозначаются в исторических документах ухожаями – участками, на которых населенных пунктов не было, но эти земли любой мог взять в аренду и приезжать сюда, чтобы заниматься охотой, рыболовством, сбором меда и другими промыслами. В данном исследовании мы рассматриваем аспекты хозяйственного освоения трех ухожьев, находившихся в составе Воронежского уезда, – Битюцкого, Осередского и Форосанского.

Для осознания этимологии данного термина необходимо понимать, каким образом он употребляется – ухожАи или ухожЪи (исследователи употребляют и один, и другой вариант). В «Материалах для терминологического словаря Древней России», составленных Г.Е. Кочиным, встречается термин «ухожЕй», «ухожАй», обозначающий угодье – «основная часть земельного владения, хозяйства, доставляющая выгоды и доходы...» [2, с. 371]. И.И. Срезневский в «Материалах для словаря древнерусского языка» также определяет термин «ухожЕй» как угодье и приводит в пример отрывок из документа: «...дал есми в доме светаго Спаса Благовещения архимандриту Малаеву с братию... с бортым ухожеем...» [3, с. 1330]. В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» также дает определение слову «ухожЕй», обозначая его мужским родом; «...и они свои места и ухожай от-

дают по старине...» [4, с. 1114]. В правительственных распорядительных документах XVIII в., рассматриваемых нами, также везде встречается термин «ухожАи», поэтому в нашем исследовании мы будем использовать именно его.

Реки Битюг, Осередь и Хворостань дали название ухожаям, расположенным вдоль их берегов, – Битюцкому, Серецкому и Форосанскому. Битюцкий ухожай включал промысловые угодья на протяжении всего течения Битюга, Серецкий ухожай объединял земли в районе реки Осереды, а Форосанский включал земли, расположенные в бассейне реки Хворостань.

С 1 марта 1697 г. Битюцкий и Серецкий ухожай находились в пользовании острогожского полковника Петра Алексеевича Буларта. Арендная плата за них составляла 202 рубля в год. Через некоторое время выяснилось, что пользование ухожаями ограничено из-за возникающих стихийно на их территории населенных пунктов. Об обстоятельствах их появления на тот момент П.А. Буларту было неизвестно. В связи с этим использование ухожаяев стало проблематично и нецелесообразно. В челобитной П.А. Буларта государю было указано, что новые жители «оброчныя угодья разоряют и бортные ухожья секут и в оброчных реках рыбу ловят и всем владеют» [5, с. 120]. Вскоре после подачи челобитной, 27 февраля 1698 г., П. Буларт умер. Однако вдова П.А. Буларта Анна посылает в Москву собственную челобитную, по которой царь приказал отсылать воеводе и стольнику И.И. Тевяшову отправляться на Битюг и Осередь для розыска населенных пунктов и определения обстоятельств их возникновения. В приказе было отмечено: «...которые ухожья были на оброке за ним – Петром Булартом и в тех урочищах поселения русских людей и черкас, которые в тех оброчных ухожьях поселились насильством и оброчными ухожья владеют, досматривать и тамошних жителей допросить и про владенья оброчных ухожьев розыскать» [6, л. 117-120]. Как видим, перед Иваном Тевяшовым ставились три основные задачи: выяснить, какие поселения существуют на Битюге и Осереды, взискать с жителей этих поселений деньги за пользование Битюцким и Серецким ухожаями за 1698 г., а также взять с жителей обязательство, что они в дальнейшем будут вносить плату за проживание и использование ресурсов этих двух ухожаяев.

На выполнение приказа И.И. Тевяшову отводился срок менее двух месяцев. Воевода поручение выполнил с небольшим опозданием: «розыск», деньги и «поручные записи» он отправил в Москву лишь 27 октября 1698 г. В бумагах, присланных Тевяшовым в Разряд, содержатся сведения о наличии одиннадцати населенных пунктов. Десять из них не были упомянуты в более ранних документах, именно поэтому датой основания этих поселений можно условно считать 1698 г. Одно поселение – Битюцкая слобода, располагавшаяся в районе устья реки Битюг. О возникновении Битюцкой слободы свидетельствует челобитная священников Ивана Семенова и Ивана Федорова о разрешении «вечного житья» для украинских казаков во главе с Иваном Серковым. Этот документ датируется 1697 г. Таким образом, очевидно, что один населенный пункт на территории Битюцкого ухожая в то время, когда он был в аренде у П.А. Буларта, уже был основан.

Кроме упомянутых одиннадцати населенных пунктов, в документах, посланных Тевяшовым, есть данные еще о шести поселениях. Однако о

двух из них говорится без указания на их название, а четыре топонима не представляется возможным прочитать из-за неразборчивости написания. В общей сложности Тевяшов обнаружил семнадцать новых населенных пунктов.

Получив приказ, оскольский воевода Иван Тевяшов отправляется в Битюцкий уезд. В первую очередь ему было необходимо разыскать все населенные пункты по Битюгу и Осереду, а потом разделить между количеством жителей этих поселений размер арендной платы. Для этого ему было необходимо собрать с местных жителей арендную плату за текущий год, а также взять с них расписки (поручные записи) об обязательствах оплаты пользования угодьями.

1 сентября 1698 г. воевода прибывает в первое поселение – Битюцкую слободу. Данный населенный пункт располагался в нижнем течении реки Битюг, в районе его устья. Это было самое большое поселение из всех существовавших на Битюге и Осереду. Здесь И. Тевяшов записал имена шестидесяти семи поселенцев. В слободе на тот момент жили: Мосей Островерхий, Фома Ефимов, Селиван Петров, Иван Семенов, Савелий Семенов, Василий Михайлов, Назар Еремеев и др. Воевода расспросил жителей, и выяснилось, что «в Битюцкой слободе на съездем дворе перед стольником и воеводою перед Иваном Ивановичем Тевяшевым той же Битюцкой слободы жители – черкасы и русские люди ... всюю слободою у розыску сказали, пришли де они в ту слободу на житье из розных городов в прошлом 205 году. А ис каких чинов и то писано в переписных книгах. [Живут] поселением на оброчных угодьях у реки Дону на устья реки Битюка и оброчными [угодья] по рекам Дону и Битюку и Осерету с урочищи владеют» [6, л. 121-122]. Кроме того, И. Тевяшов выяснил у жителей Битюцкой слободы, что вверх по течению реки Битюг находится ряд других поселений. Ближайшим из них была названа Чиглянская слобода. Именно она стала следующим пунктом «розыска». Данный населенный пункт также находилось в районе течения реки Битюг (ныне – село Старая Чигла Аннинского района Воронежской области). Опрос жителей Чиглянской слободы И.И. Тевяшовым был проведен 3 сентября 1698 г. В ходе «распроса» выяснилось, что население Чиглянской слободы представлено выходцами из города Землянка Воронежского уезда. Жители Чиглянской слободы, так же, как и Битюцкой, в основном были украинцами. Кроме того, нельзя не учитывать тот факт, что сам город Землянка был основан в 1661 г. переселенцами из Украины. В Чиглянской слободе также был атаман – Данила Семенов. Среди первых жителей слободы были названы «редовые» Евсей Постолюнников, Иван Савельев, Артем Остахов, Данила Тимофеев, Исай Тимофеев и др. В «распросе» жители утверждали, что поселились на этой местности с разрешения покойного П.А. Буларта. Как отмечено в отчете Тевяшова, Буларту был прислан указ государя о разрешении разместить на этой территории 500 человек. Вопрос об арендной плате решен не был. Однако интересен тот факт, что расположение слободы находилось прямо у места, где татары переправлялись через Битюг во время набегов, у так называемого «татарского перелаза». Кроме того, Чиглянская слобода имела второе название – «Шапочкина слобода». Данный топоним ведет свое название от прозвища одного из ее основателей – сотника Ивана

Шапочки (в документах он часто упоминается как Иван Павлович).

Аналогично с процедурой розыска в Битюцкой слободе Тевяшов принимает решение на месте опросить жителей близлежащих населенных пунктов. 4 сентября 1698 г. в Чиглянскую слободу приезжает группа жителей села Тойды [7, л. 4]. Они, объясняя факт своего поселения в этой местности, ссылались на разрешение осадчика «арловца Киприяна Хромова». Он был жителем города Орлова, располагавшегося на р. Усмани, рядом с Воронежем. Кроме жителей села Тойда, в тот же день в Чиглянскую слободу прибыли жители еще ряда разыскиваемых населенных пунктов: слободы Хоботца, деревни Кабанов Колодезь, слободы Мосаловки и двух других. Жителей слободы Хоботец было отмечено 27 человек, деревни Кабанов Колодезь – 14 человек. Все они также поселились с согласия вышеупомянутого осадчика из Орлова.

Далее в съезжую избу Чиглянской слободы прибыло 50 человек из еще одного населенного пункта. Обозначение его выяснить невозможно, так как в документе написание его размыто. Однако В.П. Загоровский считал, что он имел название «Аннинская слобода» и территориально соотносил его с современным пгт Анна – районным центром Воронежской области [8, с. 12]. История переселения жителей на данную территорию также начиналась с распоряжения орловского осадчика.

Далее И. Тевяшов продолжает свой «розыск» и отправляется в населенный пункт, расположенный в Борщевском юрте. Борщевским юртом являлись земли, находившиеся на территории Битюцкого уезда. Перевод названия этого поселения также затруднен. Численность его жителей составляла 22 человека. История их переселения в эту местность была отлична от предыдущих. Жители указали, что пришли «из розных городов и поселением и дворами селятца в тех урочищах на оброчных угодьях в прошлом 206-м году в розных месяцах и числах по приемке добренца Пракофья Беляева, что ныне живет в том же юрту в селе Барщовки» [6, л. 125]. Как видно из документа, их осадчик переселился из города Доброго, который располагался на р. Воронеж (ныне – с. Доброе Липецкой области).

Слободу Мосаловку представляли 23 человека, которые также утверждали, что переселились из города Доброго.

И. Тевяшову необходимо было принять решение о дальнейшем движении по Битюгу для «розыска». Поэтому у всех приходивших к нему новых жителей воевода спрашивал о наличии поселений вверх по течению реки Битюг. Опрашиваемые не имели конкретных сведений, отмечая только их наличие: «Да по той же де реки Битюку в юртах Чамлыку в Везках в Ертылове оброчными ж угодья владеют розных горадов многие люди, а хто имяны того де они не знают» [6, л. 125]. И воевода И.И. Тевяшов двинулся далее, на север.

5 сентября 1698 г. Тевяшов пребыл в село Борщевка. Оно располагалось в Борщевском юрте. Гавриил Щербаков, Симеон Сидоров, Лаврентий Бекетов, Игнат Котасонов, Иван Беляев, Василий Пиров и еще 24 жителя Борщевки в процессе «распроса» показали Тевяшову, что поселились они по «приимке» осадчиков Прокофия Беляева да Клеймена Гундорова. Они также были из города Доброго, а в тот момент жили в селе Борщевке. По словам переселенцев, у Беляева и Гундорова был цар-

ский указ с разрешением селить здесь новых жителей.

6 сентября того же года Тевяшов провел опрос жителей села Эртиль. О жителях этого села Тевяшов написал так: «Ертыльского юрту села Ертыла битюцкие жители» [6, л. 126]. Отмечается численность жителей – 28 человек мужского пола. В качестве осадчика они указывали все того же Прокофия Беляева и Семена Гундорова. Следовательно, ряд населенных пунктов, по указаниям переселенцев, возник также с царского разрешения.

Последним населенным пунктом, который посетил воевода И. Тевяшов, была деревня Щучья. И здесь же осадчиками были те же люди, что и в предыдущем населенном пункте.

После того, как было выяснено количество населенных пунктов, обстоятельства их возникновения, а также количество жителей в них, И. Тевяшовым была собрана арендная плата за 1698 г., а жители были написаны так называемые «поручные записи» – обязательства по оплате денег за пользования ухажаями в дальнейшем. Все расписки были оформлены по единому образцу. Они начинались с фразы «Се яз (фамилия и имя)», а затем перечислялись жители по именам и фамилиям. К примеру, в поручной записи жителей Битюцкой и Ширмовской слобод отмечено следующее: «Се яз Иван Серков Иван Колонтаевский да яз Иван Шишовский да яз Степан Будянский...» [6, л. 128–130 об.]. После этого отмечалось, что жители эти обязуются платить за аренду угодий, указывалась также и сумма – 82 рубля. Далее обозначаются имена ответственных за передачу арендной платы в Москву. Также был определен срок оплаты – декабрь и отмечено, что в случае просрочки платежа плата будет взиматься с них в двойном размере. В заключении указано, кто «сей поручной записи послух», то есть, кто является свидетелем расписки, а также написано, кто «руку приложил», то есть писал ее. Удивителен также тот факт, что при сборе поручных записей обнаружилось еще несколько поселений. Вероятнее всего, понимая неизбежность арендной платы, местные жители указали месторасположение ряда населенных пунктов, чтобы уменьшить размер платы.

Среди поручных записей есть одна – от имени жителей поселения, о котором нет упоминания в розыске И.И. Тевяшова. Этим поселением была Бобровская слобода. Поручная запись с населения этой слободы была взята 5 октября 1698 г. Как и другие записи, она начинается со списка жителей: «Се яз Нефед Кондратьев сын Скороваров, Карп Остахов сын Путинцов, Варломей Нестеров сын Струков, Евсей Алексеев сын Нойденов, Григорей Титов сын Холянин, Микифор Долматов, Улас Мещеринов, Петр Скомарахов, Степан Пчелинцов, Фетис Куркин, Филип Соложаницын, Осип Попов, Михайла Лихочев, Еремей Слепченков, Иван Попов, Карней Болдырев, Павел Турищев, Крисан Уласов» [6, с. 135]. Свидетелем или «послухом» достоверности поручной записи жителей Бобровской слободы был Григорий Зверев.

Поручные записи были взяты с жителей еще четырех поселений, не упомянутых в «розыске»: одно из них находилось недалеко от Битюцкой и Ширмовской слобод, два располагались в верховьях Битюга и еще одно – на р. Осереды. Представители последнего не назвали своего поселения, сказали лишь, что они «с реки Осерету жители» [6, л. 138].

Необходимо отметить, что в отчете И.И. Тевяшова упоминаются лишь лица мужского пола, поэтому точно восстановить численность населения рассматриваемых населенных пунктов на территориях Битюцкого и Серецкого ухажав не представляется возможным.

Тем не менее экспедиция воеводы И.И. Тевяшова закончилась. Данные о новых населенных пунктах были добыты. Выяснилось, что в этом районе в 1697–1698 гг. появилось 17 новых поселений. Самым крупным из них была Битюцкая слобода (около 2216 жителей). Затем шла Чиглянская слобода (примерно 420 жителей) и село Тойда (примерно 498 жителей). Население остальных было меньшим. В трех селениях жили украинцы – в слободе Битюцкая, Ширмовская и Чиглянская, остальные были населены русскими.

Таким образом, движение населения за пределы Белгородской черты на территории Битюцкого и Серецкого ухажав в 90-е гг. XVII в. набирало быстрые темпы, однако оставалось по большей части стихийным.

Что касается территории Форосанского ухажья, то эти земли являлись вотчиной Воронежского Покровского девичьего монастыря. Первое упоминание Форосанского ухажья можно найти в материалах «Дозорной книги 1615 г.». В данном документе эта территория обозначается как «вотчина Хворосанский ухажий» [15, с. 139]. В Дозоре 1615 г. территория Форосанского ухажая находилась в пользовании у полкового казака Максима Мошкова, при этом арендная плата была относительно небольшой и составляла «12 рублей с четвертью» [9, с. 139]. Однако в 1626 г., согласно указу царя Михаила Федоровича, Форосанский ухажай был передан в пользование Воронежскому Покровскому женскому монастырю. В царской грамоте 1626 г. говорится, что Форосанский ухажай принадлежит «того монастыря старице Марфе с сестрами Форосанский ухажей рыбные ловли и всякие угодья, чем строить монастырь на всякое церковное строенье и на пропитание старицам и попу и дьячку в ручи место» [10, л. 6]. На протяжении XVII–XVIII вв. на территории Форосанского ухажая населенных пунктов не было. Экономически слабый, почти не имевший крестьян Воронежский Покровский девичий монастырь так и не сумел рационально распределить все богатства ухажая. Территорию своей вотчины монастырь использовал, отдавая в аренду часть ухажая. Известно, что принадлежавшие монастырю рыбные ловли и сенные покосы арендовались жителями села Усмань Собакино [11, с. 271]; монастырь получал при этом по 7-10 рублей арендной платы в год. Систематически возникали спорные вопросы между Воронежским Покровским девичьем монастырем и жителями села Усмань Собакино относительно арендной платы и срока аренды, о чем свидетельствуют многочисленные документы того времени.

Процесс активного заселения территории Форосанского ухажая начинается лишь во второй половине XVIII в. после указа о секуляризации монастырских и церковных земель. Именно правительственная политика определила темпы колонизации Форосанского ухажая. Сюда стали переселяться бывшие монастырские крестьяне в основном из центральных областей России. Значительную часть переселенцев представляли старообрядцы, которым также было позволено селиться на этих территориях. По указу 1762 г. раскольники «прошались» государыней и получали право «выходить и селить»

ся особливими слободами не только в Сибири, но и в Воронежской, Белгородской и Казанской губерниях на порожних и выгодных землях» [12, с. 244].

Таким образом, процесс заселения и хозяйственного освоения воронежских уюжаев происходил далеко неравномерно. Постоянно существующая угроза нападения кочевников на территорию «поля» являлась главным фактором относительно мед-

ленного заселения края. С одной стороны, территория, находившаяся за пределами основных крепостей на Белгородской черте, стихийно заселялась новопришлыми людьми, а с другой стороны – земли, географически расположенные ближе к «центру», наполнялись жителями гораздо позже, и этот процесс был непосредственно связан с политикой правительства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Загоровский, В.П. Белгородская черта [Текст] / В.П. Загоровский. – Воронеж, 1969. – 302 с.
2. Материалы для терминологического словаря Древней России [Текст] / сост. Г.Е. Кочин. – М.; Л., 1937. – 438 с.
3. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка [Текст] / И.И. Срезневский. – СПб, 1912. – Т. 3.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х томах [Текст] / В.И. Даль. – М.; СПб., 1880. – Т. 4.
5. Багалеу, Д.И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний в XVI – XVII ст. [Текст] / Д.И. Багалеу. – Харьков, 1890. – Т. 2. Вып. 1. – 456 с.
6. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Разрядный приказ, столбцы Белгородского стола. Д. 1692.
7. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ, столбцы Приказного стола. Д. 2519.
8. Загоровский, В.П. Историческая топонимика Воронежского края [Текст] / В.П. Загоровский. – Воронеж, 1973. – 136 с.
9. Новосельский, А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. [Текст] / А.А. Новосельский. – М.; Л., 1948. – 447 с.
10. Государственный архив Воронежской области. Ф. И-84. Оп. 3. Д. 64А.
11. Ферронский, И. Хворостань. Очерки из колонизации края [Текст] / И. Ферронский // Воронежская старина. – Вып. 7. – Воронеж, 1908. – С. 271–285.
12. Указы Всепресветлейшая, державнейшая Великия Государыни Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийския, состоявшиеся в 1764 г. [Текст]. – СПб., 1764. – 284 с.